
ЮРИЙ БЕЛОВ

**НА СЕММ
ВЕТРАХ**

НАША ЦЕ
И ПОЛНОЕ

СТВО!

СИЛЫ
н Плат

ИЕЕ

тнй пр

Ю. БЕЛОВ

НА СЕМИ ВЕТРАХ

Связь времен

■

Имена

■

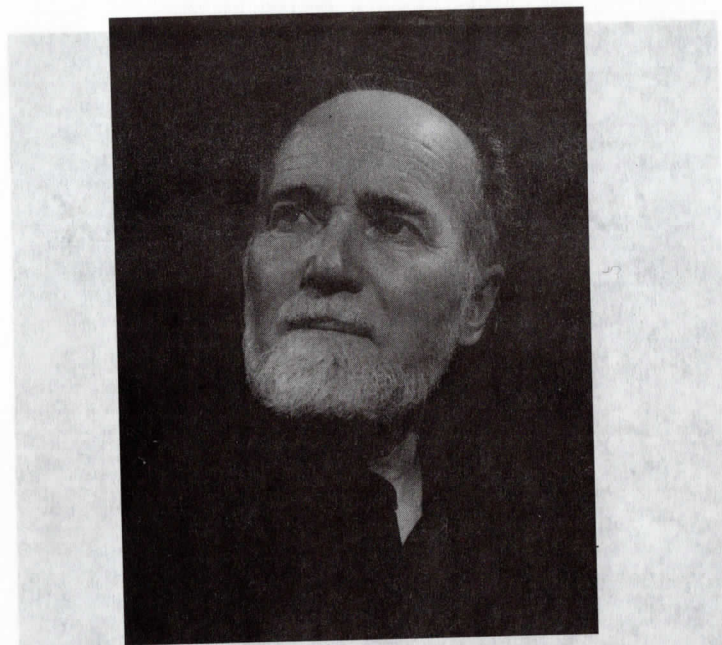
Стихи разных лет

2007

1500000

12/243-500000

Юрий Павлович Белов — коренной ленинградец. Родился в 1938 году. Русский. Свой трудовой путь начал матросом Балттехфлота. Служил в Советской армии, в группе советских войск в Германии. Работал в школе и профтехучилище учителем истории. Кандидат педагогических наук.

В 1990 году избран вторым, а затем первым секретарем Смольнинского РК КПСС. С июня 1990 года - секретарь Ленинградского обкома КПСС. В 1992 году выступал свидетелем от КПСС на Конституционном суде Российской Федерации по делу КПСС.

Входил в оргкомитет по подготовке II Восстановительного съезда КПРФ. На съезде в феврале 1993 года избран заместителем председателя ЦИК КПРФ. С 1993 года и по настоящее время член президиума ЦК партии.

С 1993 по 2000 год — первый секретарь Ленинградского областного комитета КПРФ.

В 1995 году избран депутатом Государственной думы РФ по Волховскому избирательному округу.

Политический публицист. Член редколлегии газеты «Советская Россия». Член Союза писателей России.

Ю. БЕЛОВ

О чем и о ком эта книга

На семи ветрах

Есть такое русское выражение: «На семи ветрах». На семи ветрах Ю. П. Белов. М.: ИТРК, 2002.

Ю. П. Белов — коренной ленинградец. Родился в 1938 году. Русский. Свой трудовой путь начал матросом Балттехфлота. Служил в Советской армии, в группе советских войск в Германии. Работал в школе и профтехучилище учителем истории. Кандидат педагогических наук.

В 1990 году избран вторым, а затем первым секретарем Смольнинского РК КПСС. С июня 1990 года - секретарь Ленинградского обкома КПСС. В 1992 году выступал свидетелем от КПСС на Конституционном суде Российской Федерации по делу КПСС.

Входил в оргкомитет по подготовке II Восстановительного съезда КПРФ. На съезде в феврале 1993 года избран заместителем председателя ЦИК КПРФ. С 1993 года и по настоящее время член президиума ЦК партии.

С 1993 по 2000 год — первый секретарь Ленинградского областного комитета КПРФ.

В 1995 году избран депутатом Государственной думы РФ по Волховскому избирательному округу.

Политический публицист. Член редколлегии газеты «Советская Россия». Член Союза писателей России.

ИТРК

МОСКВА

2002

ДОМ ИЛЕКАНОВА

Для Александра
№ 2005-3421/2

ББК 663(2Рос)3
Б435

Ю. БЕЛОВ

Б435 Белов Ю.П. На семи ветрах: Сб. статей. —М.: ИТРК, 192 с.

Книга общественного и политического деятеля, публициста Ю. П. Белова – плод размышлений автора об ответственности человека за историю своего Отечества – прошлое, настоящее и будущее, – за связь времен и поколений.

Издание включает статьи, опубликованные в периодической печати в 2000 – 2001 гг.

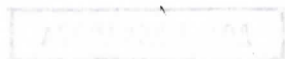
Предназначена для широкого круга читателей

ISBN 5-5-88010-139-8

ББК 663(2Рос)3

© Ю. П. Белов, 2001
© ИТРК, 2002

Последнее слово за народом

*Как Плеханов и Ленин решали
главный вопрос истории*

*Умы всегда связаны невидимыми нитями
с телом народа.*

Карл Маркс

Россия в начале XXI века, как и в начале XX, оказывается перед тем же вопросом: или она преодолеет донельзя обострившиеся социальные противоречия эволюционно, или быть революцией.

После февраля 1917-го выбирать между «или — или» пришлось двум выдающимся русским мыслителям — Плеханову и Ленину. На чьей стороне была отечественная история — известно. Но какой подход разрешения назревших противоречий востребует современная действительность — плехановский или ленинский — остается вопросом.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ МАРКСИСТ И НАШЕ ВРЕМЯ

Начнем свои размышления по данному вопросу с обращения к научным трудам Плеханова. Они оказались невостребованными в советское время. Случилось это потому, что официальные и неформальные партийные идеологи не могли простить первому русскому марксисту его разрыв с Лениным, уход к меньшевикам.

Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918) был крупнейшим мыслителем XIX и XX столетий, идеологом и основателем российской социал-демократии. Создал в России первую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда». Его философский талант отмечен Энгельсом. С 1883-го по 1917 год он находился в эмиграции (Франция, Швейцария, Италия). 34 года вдали от Родины... Здесь, по оценке Ленина, написал массу превосходных сочинений, в которых заложил теоретические основы создания будущей РСДРП. Основные выводы плехановских работ не утратили своей ценности и в настоящее время. Остановимся на важнейших из них для нас, живущих в современной России.

Плеханов первым из русских марксистов сказал об опасности идеализации народа, опасности призыва к революции, пока не вышло социальное бытие, определяющее революционное сознание. Он не побоялся заявить в России 80-х годов XIX века, что ее будущее зависит от развития капитализма. Открыв Марксово учение для себя, он открыл его для социалистической российской интеллигенции, пребывавшей тогда во власти народнической, народофильской идеологии. Плеханов безжалостно развенчал иллюзии народолюбцев о самобытном пути России к социализму — через крестьянскую общину. Доказал историческую миссию капитала, расчищающего дорогу для новой производительной силы — русского пролетариата. Революция без эволюции невозможна — это стало плехановским кредо.

Плеханов утверждал: историю не прищипишь, не заставишь свернуть к революции, когда ее социальная сила (рабочий класс) еще не сформировалась до степени зрелости. Он вскрыл причину революционного нетерпения народников — субъективизм как стремление поставить личную революционную волю на место истории. Данный вывод Плеханова не утратил своей актуальности и в наше время.

Разве нет у нас нетерпеливых, стремящихся забежать вперед, поставить все ту же волю впереди реальных возможностей? Благие намерения! Но, как известно, именно ими вымощена дорога в ад.

Одно дело — справедливое возмущение насильственной капитализацией нашей страны. Другое — отрицание существующих и уже господствующих в производстве отношений по принципу «человек человеку — волк». Отношений ужасных, тормозящих донельзя развитие производительных сил, что ясно теперь и неискующим в экономике. Иного и не могло случиться, поскольку современный российский капитализм можно назвать капитализмом лишь условно.

Пользуясь известным ленинским выражением, скажем: после насильственного слома социалистического бытия наша страна оказалась в положении, в котором трудно было бы разобраться и десяти Марксам. Так называемый российский капитал не выполняет ни одной исторической задачи капитализма. Он не создает крупного промышленного производства и соответственно не создает условий для роста первой производительной

силы — рабочего класса. Напротив, он разрушил научно-индустриальное производство, разрушил тем самым фундамент науки, без которой современный капитализм немислим.

Иными словами, размельчил, раздробил рабочий класс и, что главное, лишил его самого сознательного, самого культурного слоя — высококвалифицированных рабочих и инженерно-технических работников. Они «смыты» конверсией, рекрутированы горбачевскими кооперативами. Выросший из уголовного советского теневого капитала, вылезшего наружу в годы «перестройки», он (этот капитал) во времена разгула приватизации (передела собственности) разжирел до угрожающих размеров.

Вздыхать по возможностям, упущенным КПСС (все могло быть иначе, если бы... и т. п.), значит опустить руки, смириться с действительностью. Да, она такова, что немедленное введение социализма невозможно даже при избрании коммуниста президентом России. С переделом собственности исчезли социалистические производственные отношения. Сказалось ли это на психологии, социальном настроении и морали народа? Сказалось, и весьма ощутимо. Единой психологии и морали уже нет. Мы живем в условиях кризиса общественного сознания. Рассчитывать на то, что «гены» социалистического сознания окажутся сильнее уродливо-капиталистического бытия и завтра народ одумается, проснется, — значит впасть в иллюзию, в опасность идеализации народа, о чем писал в свое время Плеханов.

Болезнью нетерпения, желания прыгнуть в социализм немедленно страдают даже те, кто благодаря управленческому опыту, нажитому в советское время, хорошо устроил частное дело.

Автору статьи довелось иметь не один разговор с частными предпринимателями, советскими по духу. Сводился он, как правило, к следующему.

— Страну спасет социализм, причем государственный, — говорил мне собеседник.

— Но ведь вы знаете, что госсосоциализм сейчас невозможен.

— Почему же невозможен? Вот будет социальный взрыв, — продолжал мой оппонент.

— Да когда он будет?

— Когда-нибудь да будет. Может, этой же зимой.

— Который раз вы о том говорите. Ну, предположим, будет взрыв — вы расстанетесь со своим частным предприятием?

Очень редко кто говорил «да». Чаще наступало молчание и разговор переводился на другую тему. История — вещь жесткая. Она посрамит каждого, кто не считается с нею. «История есть величайший диалектик», — любил говорить Плеханов. И он это не единожды убедительно доказывал. Тому у него стоит поучиться. Стоит поучиться плехановскому анализу общественного сознания, сознания рабочего класса в особенности. Подобно нейрохирургу, действующему предельно точно, Плеханов в 80-е годы XIX века обнажил состояние классового сознания русского пролетариата и

поставил безжалостный диагноз: неразвитость сознания из-за неразвитости капитализма в России. Наш читатель может возмутиться: «Хорош, социалист, призывающий к развитию капитализма!» Не спешите с обвинениями, уважаемый читатель. Почитайте Плеханова, и вы поймете, что только крупнокапиталистическое промышленное производство объединяет рабочих в класс и превращает его в антипод буржуазии. Эту Марксову истину и доказывал первый русский марксист. Его анализ классового сознания российского пролетариата конца XIX века чрезвычайно ценен для нас. Мы найдем в нем много поучительного для трудно составляемой характеристики современного рабочего класса, которого, увы, нет в классическом Марксовом понимании. А разве не поучителен для нас плехановский подход к оценке существовавшей тогда в России опасности пропаганды мелкобуржуазного (уравнительного) социализма среди рабочих? Основатель русской социал-демократии первым показал связь между данной опасностью и наличием в экономике многочисленных мелкобуржуазных элементов. Он учил социал-демократов видеть, как от постоянного страха перед разорением мелкий буржуа готов пуститься в революционную авантюру. Спешит за революционным знаменем прикрыть реакционные идеи. Они — умственный яд для неокрепшего пролетарского сознания. Что — нет у нас идеологов мелкобуржуазного революционаризма?

Здесь уместно вспомнить, как Плеханов саркастически бичевал обладателей «абсолютных» принципов. Выводя их на чистую воду правды истории, часто использовал следующее суждение Чернышевского о рядящихся в социалистические (сегодня — в коммунистические) одежды: «Им не нужно ни наблюдать фактов, ни думать: у них заранее готово лекарство от всякой болезни и для всякой болезни одно и то же лекарство, как у знаменитого доктора, каждому пациенту говорившего *purgare et clystirizare*». По-русски: принимать слабительное и ставить клистир.

Плеханов не устал повторять: нельзя обращаться к результату мыслительной деятельности гениев, не усвоив их метода. Он учил умению думать диалектически, брать в расчет время и место действия.

Есть люди, которые в силу тех или иных причин не успели научиться диалектике. Но есть и другие, имеющие о диалектическом методе довольно неплохое представление, однако утверждающие: «Все надо сделать так, как в октябре 1917 года». Первые искренне заблуждаются, вторые — вольные или невольные пособники разрушителей России. Нет, уважаемый читатель, мы не разбрасываем семена подозрительности, а лишь напоминаем о бдительности в политической борьбе. Ставка в ней велика — судьба Отечества.

Действительность России, мучительно переходившей от сохи к фабричному ткацкому станку и прокатному стану, болезненно растающей в капитализм при сохранении феодального абсолютизма, конечно же, нельзя проецировать на современную жизнь. «Во всей истории нет двух

фактов, совершившихся во вполне тождественной обстановке», — справедливо утверждал Плеханов-диалектик. Однако Россия конца XIX века кое в чем может быть аналогом для России начала XXI века. Тот же кризис общественного сознания, вызванный несформированностью классовых структур, те же идейный разброд и шатание, отсутствие идеологической оседлости у социалистической интеллигенции, та же тяга к вождизму, в том числе и коммунистическому. Все это — следствие ломки одних производственных отношений и незрелости других. Отсюда и неразвитость пролетарского сознания у людей наемного труда. Но склонные гарцевать впереди истории есть. И в избытке. Они не ломают себе головы над вопросом о нынешнем состоянии донельзя раздробленного рабочего класса, принимая каждый факт социального протеста трудящихся («рельсовые» войны, недолговременные стачки, шахтерское сидение на Горбатовом мосту в Москве) за их готовность уже завтра на радикальные исторические действия. Нет нужды объяснять, что для развития классового сознания еще только нарождающегося российского пролетариата ни один пример политического его вызова власти нельзя оставлять без внимания и поддержки. Но торопиться с выводами о якобы надвигающейся мощной волне пролетарской солидарности (ее уже с полвека нет и в международном масштабе) чревато опасностью девальвации самой идеи этой солидарности. Призывы великолепны, а действия разрозненны и затухают, как и возникают, локально. Не так ли, уважаемый читатель?

Здесь стоит прислушаться к Плеханову: нужно научиться понимать ход исторического развития и стать во главе его. Но как? Вносить социалистические знания в вырабатываемое сознание российского пролетариата (крот истории делает свое дело, даже когда историю пытаются повернуть вспять). Не забудем, что они, названные знания, есть в сознании среднего поколения — советское образование и воспитание не прошли даром. Суровая действительность их актуализирует.

И в дальнейшем прав Плеханов: знания — сила, без них не придать стихийному рабочему движению сознательного характера, не добиться понимания рабочими своего классового интереса. Эту задачу и призвана решить партия революционных социал-демократов, сегодня — коммунистическая партия.

Решать ее придется иначе, чем в царской России. Тогда не стоял вопрос о спасении нашего государства от полного уничтожения, о выживании великороссов. Сегодня этот вопрос — главный. Быть России или не быть. Все как в Великую Отечественную войну. Поэтому пропаганда социалистических знаний ничего не даст, если она будет в отрыве от пропаганды знаний исторических, лежащих в основе патриотического сознания. Понятно, что нужны и активные социальные и патриотические действия. Путь к социализму проходит в настоящее время через возрождение отечественного производства (государственного и частного), через восстановление

национальной безопасности, через укрепление умственного, нравственного и физического здоровья народа, возвращение армии и флоту их былого могущества. Единство социализма и патриотизма — веление отечественной истории. Сегодня это так же важно понять, как важно было в конце XIX века осознать историческую обреченность самодержавия. Георгий Валентинович Плеханов не только осмыслил, но и доказал это именно потому, что был прежде всего патриотом России.

ВЕЛИКИЙ ДИАЛЕКТИК

Первый русский марксист мучительно искал путь к освобождению России от оков самодержавия, душившего во имя самоспасения всякое проявление свободной мысли. Страна задыхалась от абсолютизма, скатываясь в бездну социальной, экономической и политической отсталости. Народ находился в бесправном положении. Ответ Чернышевского на вопрос — что делать? — не удовлетворил Плеханова. Он нашел ответ в учении Маркса. В нем открыл для себя неизбежность социалистической революции в эпоху капитализма. Был верен этой идее до конца дней.

Но неразвитость русского капитализма, по сравнению с западным, привела его к мысли о постепенном, чрезвычайно длительном преобразовании российского пролетариата в революционную силу. Плеханов видел социалистическую революцию в нашей стране в весьма отдаленном будущем. Не раз говорил, что капитализм в России еще не намолотил муки для установления пролетарской власти. Ближайшее будущее оставлял за буржуазией, ссылаясь на опыт Запада. Мысль об обязательной длительной эволюции на пути к революции так пленила русского марксиста, что он с неожиданностью для себя пережил личную трагедию в 1917 году — оказался невостребованным в своем Отечестве.

Если бы мы сказали — Ленин был полной противоположностью Плеханова, — то погрешили бы против истины. Прежде всего они оба любили свою Родину, и вопрос ее судьбы определил смысл жизни каждого из них.

Ленин, как и Плеханов, считал, что никакие исторические особенности России не избавляют ее от действия социологических законов, открытых Марксом. Они общие для любой страны, вставшей на путь капиталистического развития. Но Ленин тем принципиально отличался от Плеханова, что он увидел то, что просмотрел его знаменитый предшественник: своеобразие России по сравнению с Западом. Ленин отличал русского пролетария от европейского: он куда менее был развращен податками буржуазии (колоний страна не имела) и потому — менее податлив на соглашательство. К тому же прошел закаляющую школу революционной борьбы в 1905—1907 годах. Да и кричащие противоречия страны ускоряли развитие классового сознания русского пролетария. Он еще не оторвался от крестьянской об-

щины и не понаслышке знал о тяжелой жизни деревенской России. Общеизвестно ленинское презрение к либеральной буржуазии, к ее политической трусости. Увы, Плеханов, в чем он сроднился с меньшевиками, отводил ей ведущую роль в революции, опять же ссылаясь на западный опыт.

Но главное, что увидел Ленин и чего не сумел увидеть Плеханов, — своеобразии грядущей русской революции, состоящее в том, что ее движущей силой (наряду с рабочим классом) окажется крестьянство. К сожалению, первый русский марксист, чья политическая молодость начиналась с «хождения в народ», не разглядел в крестьянине потенциального союзника пролетариата.

Не разглядел потому, что крестьянин-общинник, с которым он встречался в 70-х годах XIX века, жил замкнутой жизнью сельского мира, мало что знал за его пределами, да и психологически еще не вышел из состояния крепостного человека.

С проникновением капитализма в русскую деревню бытие крестьянской общины меняется: в ней резко усиливается социальное расслоение на богатых и бедных. Плеханов был первым, кто диалектически проанализировал данный процесс. Но, находясь долгие годы в дальнем зарубежье, он уже не имел возможности знать о дальнейшем изменении судьбы русского крестьянства. Революционные идеи стали быстро проникать в крестьянский мир после революции 1905 года. Особо восприимчивы к ним оказались сельские пролетарии и полупролетарии, составлявшие в начале XX века значительную часть общины. На данный процесс обратил внимание Ленин. Плеханов не мог знать о нем: был далек от России. Отстал от диалектики истории.

Отношение к крестьянству определяло все в будущей революции, ее народный характер в первую очередь.

В свое время Плеханов едко заметил в отношении Бакунина: ему изменила диалектика, или, вернее, он изменил ей. В начале XX века это случилось и с ним. Именно в диалектике оказался сильнее Ленин. Он вскрыл и исследовал новое явление мировой экономики и политики — переход капитализма на стадию империализма. Обнажил новые, межимпериалистические противоречия, заложницей которых стала Россия. Ленин открыл закон неравномерности развития капитализма и доказал: цепь империализма может порваться в самом слабом ее звене — возможна революция в отдельно взятой стране (1914 г.). Такой страной была Россия, где классовые антагонизмы обострились донельзя в условиях абсолютизма. Плеханов в своем анализе российской действительности остался в конце XIX века. Разность плехановской и ленинской позиций обнаружилась еще в первую русскую революцию 1905 года: «не надо было братья за оружие» и «нет, надо было братья за оружие». Пропасть между ними образовалась в Первую мировую войну. Существует предубеждение, согласно которому Плеханов в годы Первой мировой войны проявил себя

как истинно русский патриот, а Ленин в эти годы был революционером, интернационалистом, но никак не патриотом — ведь желал же он поражения России (факт бесспорный) и содействовал тому с присущей ему энергией и волей. Мы иного мнения.

Объяснимся.

Начнем с того, уважаемый читатель, что назовем факт (и тоже бесспорный): и большевики, и меньшевики, в их ряду Плеханов, и кадеты (партия либеральной буржуазии) перед Первой мировой войной и с объявления Россией войны Германии выступали за поражение в ней царского правительства. В день, когда высочайшим повелением российского самодержца объявилась всеобщая мобилизация, в кадетской газете «Речь» появилась весьма примечательная статья. Ее автор сравнивал Россию с автомобилем, который, потеряв управление, вот-вот потерпит крушение. В конце статьи ставился вопрос: «Не пора ли сменить шофера?» Газета была запрещена, номер со статьей изъят.

Патриотический настрой охватил Россию в августе 1914 года. Сказалось чувство национальной гордости великороссов, ущемленное поражением в русско-японской войне. Мало кто тогда увидел беду для Отечества — не было в той войне национально-государственных интересов России, да и не готова она была воевать. Мало кто знал, что в Германии на каждый квадратный километр приходилось в 10 раз больше железных дорог, чем в России, что во время всеобщей мобилизации, вызвавшей всеобщее ликование, надо было перебросить русского солдата в среднем за тысячу километров, что в четыре раза больше, чем в среднем для немецкого солдата. Если бы знал наш народ факты, убийственные для русской армии... Россия начала войну, имея 850 снарядов на каждое орудие, по сравнению с 2000 — 3000 в западных армиях. Вся русская армия имела 60 батарей тяжелой артиллерии, в то время как в немецкой насчитывалось 381.

Неготовность армии к войне усугублялась разложением царского режима. Наступило время распутищины, время агонии самодержавия. «Этот психически ненормальный режим» — так называл его граф Витте, самый рьяный его защитник, — «есть переплетение трусости, слепоты, лукавства и глупости». Царскую власть уже ничто не могло спасти.

Но опьянение патриотизмом охватило все слои российского общества. Поддался ему и Плеханов, считая, что германский империализм агрессивнее российского. Его поддержка царского правительства на деле означала поддержку абсолютизма, уже обреченного историей. Поддержку буржуазии, узревшей свой интерес в войне: русский капитал не прочь был поучаствовать в новом переделе мира — усилить свое влияние на Балканах и в Персии, в Турции и Монголии. К тому же военные поставки (продовольствия и вооружения) сулили немалую прибыль.

Кадеты, усиленно раскачивавшие царский трон до войны, перестали это делать. Бесстыдно молчали меньшевики. Лишь Ленин стоял как скала:

призывал превратить войну империалистическую в войну гражданскую, иными словами, в классовую. Он видел дальше всех, дальше Плеханова: «Крайние бедствия для масс, создаваемые войной, не могут не порождать революционных настроений и движений, для обобщения и направления которых должен служить лозунг гражданской войны».

Революция в России давно назревала. Мыслящие патриоты, далекие от марксизма, понимали это. Легендарный генерал Брусилов признавался себе в годы Первой мировой: «Что касается меня, то я хорошо сознавал, что после первого акта революции, бывшего в 1905 — 1906 годах, неминуемо должен быть и второй акт, как неизбежное последствие этой грозной и продолжительной войны. Мне, любящему Россию всеми силами своей души, хотелось лишь одного: дать закончить эту войну победоносно». Можно понять благое пожелание генерала-патриота. Но история развивается по неумолимым своим законам: кричащие социальные противоречия, имевшиеся до войны, не могут взять да исчезнуть во время войны, во сто крат усиливающей страдания народа. Это понимал Ленин и не смог понять Плеханов. Увы, тот самый Плеханов, который в свое время саркастически заметил народникам, что историю нельзя заставить потоптаться на месте, пока осуществятся их благие намерения.

Ленин не крутил словами, а говорил прямо: революция во время войны весьма вероятна, а всякая революция есть гражданская война, и надо идти на нее, чтобы агония самодержавия не затягивалась, чтобы оно не увлекло за собой страну в бездну национальной катастрофы. Заметим, кстати, что он призывал к гражданской войне не только в России, а во всех воюющих странах, за исключением Сербии (отдавал должное ее борьбе за национальную независимость). Да, Ленин говорил о европейской революции. То была дань марксистской доктрине того времени. Как диалектик, он откажется от нее перед заключением Брестского мира.

В декабре 1914 года Ленин пишет статью «О национальной гордости великороссов». В ней сознательно подчеркивает, что ему и его товарищам по большевистской партии не чуждо чувство патриотизма: «Мы любим свой язык и свою родину»; «Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину». То были слова революционера-патриота. Да, Ленин желал поражения России, но России разлагающегося самодержавия и эгоистичного капитала, пославших великорусский народ на бойню. Он желал поражения этой России для победы России трудовой, народной. Не было иного пути достичь ее, как только через революцию: сама война, в жерновах которой гибли и нищали миллионы (за что?!), подталкивала к ней. Как мы знаем, история так и распорядилась — Февральская революция 1917 года не была случайностью. Ленин оказался прав.

Патриотизм — чувство вечное, но не неизменное по своему состоянию. В годы Первой мировой любовь к Родине требовала революционного вы-

ражения — под прикрытием патриотизма разыгрывалась карта социал-шовинизма, ввергнутые в войну народы стали заложниками классового интереса буржуазии своих стран. Как только победит Советская власть в октябре 1917 года, Ленин скажет: теперь мы — оборонцы.

Не может быть сомнений в искренности патриотического чувства Плеханова. Но как это ни прискорбно, приходится признать: он отступил от принципа, им же сформулированного, — история есть величайший диалектик. Расплата была жестокой. Поддержав царское правительство и тем самым буржуазию **своего отечества**, Плеханов оказался глух к воле народа. В том состояла трагедия революционера. Немалую роль в ней сыграло эмигрантское окружение Георгия Валентиновича (Аксельрод, Дейч, им подобные). Люди, оторванные от России, поклоняющиеся западноевропейской социал-демократии, курили фимиам его имени. Делали все, чтобы разорвать его отношения с Лениным. Первый разрыв случился в 1900 году. Ленин тяжело его пережил. Тогда он признался: «Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением». Речь шла о Плеханове.

Диалектика отечественной истории оказалась на стороне Ленина. Так случилось и после Февральской революции, в апреле 1917 года. Временное правительство подвело страну к последней черте — надвигалась угроза национально-государственной катастрофы. Несостоятельность либеральной буржуазии в управлении Россией стала очевидной. Вернувшийся на родину из эмиграции Ленин разработал и предложил партии и народу программу мирного перехода власти от буржуазии (никакого доверия Временному правительству!) к Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Программа вошла в историю под названием ленинских апрельских тезисов. По сути дела, Ленин предлагал эволюционный (плехановский!) путь к новой, теперь уже социалистической революции.

Плеханов резко выступил против ленинских тезисов, назвав их бредовыми. Он публикует статью «О тезисах Ленина или о том, почему бред бывает подчас весьма интересен». В ней доказывалось, что капиталистический способ производства не исчерпал себя и, стало быть, рабочему классу брать власть преждевременно. Все это говорилось, когда Россия корчилась от мук и ужасов войны, от казнокрадства, холода, голода, скатываясь в пропасть катастрофы. Шанс мирного перехода к новой власти был упущен — меньшевики и эсеры, за малым исключением, остались верны Временному правительству. К сожалению, Плеханова подвела его умозрительная диалектика. Живая — оказалась за историей. Новая революция не заставила себя ждать и свершилась в октябре 1917 года. Народ пошел за Лениным и привел большевиков к власти.

Георгий Валентинович не принял Октябрьской революции, но против не выступал. Когда известный террорист Борис Савинков предложил ему

возглавить вооруженную борьбу против большевиков, он категорически отказался. Ему была омерзительна мысль о братоубийственной войне.

Так что же, плехановская идея об эволюционной подготовке к социалистическим преобразованиям так и осталась невостребованной? Если вы пришли к этому заключению, уважаемый читатель, то очень ошиблись. Она была востребована советской историей. Ее плодотворно использовал не кто иной, как Ленин. Причем успел это сделать при жизни Плеханова. Кончина последнего произошла 30 мая 1918 года. 5 мая Ленин завершает статью «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности». О чем в ней речь? Об эволюции в процессе победившей социалистической революции — о необходимости государственного капитализма в условиях Советской власти. После свершения Октябрьской революции Ленин говорил: мы социализм протасили, и теперь нужно в нем разобраться. Как никто иной в партии, понимал и доказывал, что революция не дала, да и не могла дать возможности немедленного перехода к социализму. Советская власть — главное условие для перехода к нему. Но только условие. Другим, и не менее важным, условием было эволюционное преобразование экономики, в которой тогда преобладала мелкобуржуазная стихия, в экономику социалистическую. Возникла необходимость в переходном периоде — к социализму посредством государственного капитализма. К данному выводу Ленин пришел до Гражданской войны и даже раньше. Чтобы убедиться в том, достаточно прочесть его работу «Государство и революция», написанную до октября 1917 года.

Но вернемся к ленинской статье «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности». Страна только получила передышку после Брестского мира, и Ленин пишет:

«Государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего положения дел в нашей Советской республике...

... Оболочку государственного капитализма (хлебная монополия, подконтрольные предприниматели и торговцы, буржуазные кооператоры) разрывают у нас то здесь, то там спекулянты...

... Уплата большей дани государственному капитализму не только не погубит нас, а выведет вернейшим путем к социализму...

... От теперешнего экономического положения России нельзя идти вперед, не проходя то, что обще и государственному капитализму, и социализму (всенародный учет и контроль)».

Далее Ленин доказывает: госкапитализм сохраняет крупное производство, обуздывает капитализм частный, являясь противоядием анархической стихии рынка, и тем самым содействует государственному управлению экономикой.

Сколь современны эти ленинские мысли сегодня! У нас еще не сформировалась, но находится в стадии становления социальная группа частных предпринимателей-производственников, сознающих гибельность для

страны олигархического капитала. Капитала, паразитирующего на разграблении сырьевого богатства и ничего не производящего. Среди предпринимателей — производственников все более усиливаются государственно-патриотические настроения. Им нужна и защита, и помощь государства. Они согласны на государственный контроль, чтобы прекратить беспредел и создать условия для формирования социально ориентированной экономики.

Как известно, программа эволюционного преобразования России с разрушенной экономикой (Первой мировой, Гражданской войнами и интервенцией) в Россию социалистическую нашла свое выражение в ленинской новой экономической политике (нэп). При ее теоретическом обосновании всегда под рукой у первого Председателя Совнаркома были книги Гегеля, Маркса, Плеханова. После смерти Георгия Валентиновича его архив в 1918 году полностью перевозится на Родину. Так распорядился Ленин. Он знал, что теоретическое наследие его великого соотечественника востребуется потомками в ближайшем и далеком будущем.

Выводы

Плеханов и Ленин были едины в стратегическом замысле — спасти страну от прогнившего абсолютизма. Его осуществление зависело от правильного выбора тактики: когда и каким образом это сделать лучше, наверняка. В тактике Ленин оказался сильнее Плеханова, потому что жил современной российской действительностью, а не судил о ней издалека.

Значит ли, что плехановский эволюционный подход к разрешению социальных противоречий лишился своей ценности? Ничуть! Ленин, что мы пытались доказать читателю, лучше других сознавал его непреходящую ценность. Здесь пора перейти к вопросу, ради ответа на который писалась данная статья: есть ли шанс в наше время предотвратить угрозу национально-государственной катастрофы России эволюционным путем? Такой шанс имеется, и было бы преступлением упустить его.

Режим, созданный в годы ельцинского правления страной, обречен историей на гибель. Все и всякие попытки продлить его существование чрезвычайно опасны для России. Об этом говорят не только коммунисты, но и государственники — патриоты вне зависимости от различий в политических взглядах и социальном положении. Противоречие между режимом, не подлежащим модернизации, и громадным большинством народа — очевидно. Оно сознается не только многими миллионами униженных и обнищавших, но и людьми состоятельными, обеспокоенными за судьбу Отечества. Лишь ничтожно малая часть — олигархи и их пособники — выступают охранителями ими же созданного криминально-бюрократического режима власти.

Давно назрела необходимость в программе национального спасения.

Нынешнее правительство разработать ее не в состоянии. Преобладающее большинство в нем — агенты разрушительной либеральной экономической политики. Она продолжается, продолжается удушение народа, унижение нации великороссов.

Без вовлечения в управление страной государственно-патриотических сил, включая КПРФ прежде всего (она — ядро НПСР, ядро действительной, а не мистифицированной явлинско-немцовской оппозиции), не остановить сползание к краху. Именно в настоящее время актуализируется ленинская мысль о поддержке государственного, сейчас уже точнее будет сказать, национально-государственного капитализма для преодоления капитализма олигархического, заинтересованного в анархии. И возможности для того есть. Нужна только политическая воля всех ветвей власти. Не упустить бы шанс мирного перехода от России зависимой, закабаленной (Западом), к России независимой, России социальных гарантий трудящимся. К России великодержавной, опирающейся на внутренние силы — на народ в его многонациональном единстве и патриотическом многообразии.

Иначе... Иначе, как то уже бывало, отечественная история может повернуть к революции. Наивно полагать, что она может свершиться по решению политических партий. Февральская революция 1917 года для всех партий России была полной неожиданностью. Перефразируя Плеханова, скажем: нет ни одной партии, которая могла бы крикнуть: «Начнись, революция!» Или: «Остановись, революция, не шевелись, народ!»

Ни один пророк не знает, как скоро грянет социальная буря. Но даже относительно неплохо изучивший нашу историю выразит свое мнение: революция случается тогда, когда властью не принимаются необходимых мер для разрешения дошедших до крайности противоречий. Диалектика живой истории тому доказательство, а против нее не пойдешь — бесполезно, ничего не выйдет. Одно известно — последнее слово за народом. На пролетарскую революцию он не поднимется, поскольку оснований для нее нет. А вот на социальную, национально-освободительную подняться может. Основания для нее вызревают.

Россия пока еще дремлет, но дремлет тревожно.

**«Советская Россия»,
сентябрь, 2000 г.**

СОДЕРЖАНИЕ

О чем и о ком эта книга 3

Часть первая СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Последнее слово за народом Как Плеханов и Ленин решали главный вопрос истории 8
С планеты СССР Советский человек в лабиринте истории 21
На семи ветрах Ответ моим критикам 35
Святогоры Русскому, советскому человеку посвящается 47
Обожествленная цивилизация Чем грозит России глобализм по-американски 59
Крестоносцы Размышления над книгой Стивена Козна – честно американца 64
Печальные уроки американизации России О них пишет в своей новой книге историк Стивен Козн 73
Непокоренные Светлой памяти молодого гвардейца Василия Левашова и всей героической «Молодой гвардии» посвящается 79
Трагичный август 1991-го Размышления бывшего секретаря обкома КПСС 90
Десница и шуйца Полемические заметки публициста 95

Часть вторая ИМЕНА

Русские до боли «Перезвоны» К 60-летию Валерия Гаврилина 109
«Для вас отечество — костюм, а для меня — кожа» Книга о настоящем патриоте и гражданине, которую Валерий Гаврилин писал почти всю свою жизнь 113
Все остается людям Памяти С.Б.Лаверова 118
Месть непокорному В защиту Игоря Фроянова 124
России сын и сын Вселенной Легендарному космонавту Герману Титову — 65 лет 134
Слово о мудром друге Памяти Сергея Бадаляна 140
На сцене – витязь русской драмы Штрихи к портрету народного артиста СССР Игоря Горбачева 146
Третье чудо К 70-летию Николая Скатова 154
Уроки русской классики Они, как никогда, злободневны сегодня 162
Время Коптюга К 70-летию академика Коптюга 168

Часть третья СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

В нас эхо прошлого живет 178
Нам выпало время 181